

Л. М. Ившин

**О ФОНЕТИЧЕСКИХ И МОРФОЛОГИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ ГОВОРА ДЕРЕВНИ КУЗЬМОВЫР
ИГРИНСКОГО РАЙОНА УДМУРТСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

В статье представлены результаты фонетического и морфологического анализа говора деревни Кузьмовыр Игринского р-на Удмуртской Республики. Наиболее характерными чертами он близок, с одной стороны, к верхнечепецким (северноудмуртским) говорам, на что указывают такие явления, как: 1) спорадическое выпадение *-э* (*-йэ*) в форме переходного падежа существительных единственного числа; 2) акцентирование первого слога в сложных местоимениях и наречиях с препозитивным элементом *кот^л*, *со-*, *та-*, *ма-*, *ог-*; 3) выпадения анлаутного *й* суффиксальной морфемы в положении перед гласными *э*, *а*, *о*; 4) усеченная форма датива личных местоимений 1-го и 2-го лица; и др. С другой стороны, некоторые особенности рассматриваемого говора наличествуют в средневожточном диалекте: 1) выпадение *-ы* в конце глаголов 1 лица множ. числа изъявительного наклонения настоящего, будущего и очевидного прошедшего времен в утвердительной форме; 2) отсутствие палатализации *т* в суффиксе *-эти* у порядковых числительных; 3) употребление усилительной частицы *ин*. Кроме того, в языковой системе исследуемого говора выделяются специфические явления, не свойственные в целом говорам соседних диалектов: 1) отсутствие аффрикаты *ж* в инлауте; 2) деаффрикатизация *ч* в инлауте перед *к* и замена ее фрикативным *ш*; 3) отсутствие суффиксов со значением 'место действия' *-н'и* и *-ти*; 4) оформление цели действия послеложной конструкцией существительное + *дурэ* и др.; что, на наш взгляд, обусловлено историей формирования исследуемого ареала.

Ключевые слова: говор, диалект, фонема, фонетика, акцентуация, морфология, имя, северное наречие, срединные говоры, удмуртский язык.

Данная работа посвящена описанию фонетических и частично морфологических особенностей говора дер. Кузьмовыр Игринского р-на УР. Особое внимание уделено освещению языковых явлений, сближающих этот говор с соседними северноудмуртскими и срединными говорами, а также описанию специфических особенностей, не характерных для этих диалектов. Исследование базируется на материале, собранном автором в годы учебы в УдГУ в 1994–1995 гг. при прохождении курса «Удмуртская диалектология».

Кузьмовырским нами условно назван говор удмуртов, проживающих в дер. Кузьмовыр. В исторических документах починок Кузьмувырской встречается в 1859 г.: «На Сибирскомъ почтовомъ трактѣ изъ Перми въ Казань по лѣвую сторону этого тракта – Кузьмувырской поч[инок] (при ключѣ Кузьмувырѣ)» [Списокъ 1876, 57]. В это время в починке насчитывалось 8 дворов, в них населения – 113 чел. (мужского – 59, женского – 54). По демографической переписи за 1920 г. в поч. Кузьмовыр насчитывалось уже 49 удмуртских дворов и 330 чел. [Список 1924, 50]. По данным переписи 2012 г. в дер. Кузьмовыр – 168 чел. [Каталог 2012] – 165 удмуртов, 3 русских.

Название деревни происходит от слов *кузь* ‘длинный, долгий’ и *мувыр* ‘возвышенность, пригорок, холм’: ‘длинная (долгая) возвышенность’ [Атаманов 2015, 458]. По словам старожиллов, в этом месте основались приезжие удмурты из близлежащих населенных пунктов – Сундура и Извыла (дер. Извыл в настоящее время не существует). Кузьмовыр вместе с другими населенными пунктами: Байвал, Левая и Правая Кушья, Выселок Кушья, Лоза, Сундур и Чуралуд – входит в муниципальное образование «Сундурское» Игринского р-на. Районный центр пос. Игра впервые упоминается в «Документах по истории Удмуртии XV–XVII вв.» под названием д. Малая Игра в 1615 г. [Документы 1958, 188]. Окрестные же населенные пункты (Кузьмовыр, Байвал, Левая и Правая Кушья, Выселок Кушья, Сундур и Извыл), по-видимому, тогда еще не существовали.

Говор дер. Кузьмовыр пока не был объектом специального исследования. По наиболее характерным фонетико-морфологическим чертам он близок, с одной стороны, к североудмуртским говорам; с другой – к средневосточным, относящимся к срединным говорам. Кроме того, в языковой системе исследуемого говора выделяются некоторые специфические явления, не свойственные в целом вышеназванным говорам и обусловленные, на наш взгляд, историей формирования этого ареала. По сведениям переписных материалов XVII–XIX вв. и историческим документам, интенсивное заселение этого региона началось в XVII в. [Документы 1958, 265]. Опираясь на данные расселения воршудно-родовых групп удмуртов, М. Г. Атаманов отмечает, что всю территорию Игринского р-на можно разделить между тремя крупнейшими родовыми группами: Эгра, Вортча и Пурга. Жители дер. Кузьмовыр относятся к роду Эгра, занимавшему территорию по реке Лоза. Родовая группа Эгра (Егра), по-видимому, первоначально проживала по р. Вятке; отсюда ушла в Карино (совр. Слободской р-н Кировской обл.), откуда затем переселилась в Салю (совр. Игринский р-н) и затем – в с. Игру [Атаманов 2010, 104–106].

Большая часть анализируемого материала собрана автором во время диалектологической практики в 1994–1995 гг. непосредственно от носителей описываемого говора, в основном – людей старшего возраста. Сбор материала проведен главным образом в ходе устного общения с коренными жителями деревни.

1. Фонетика

В говоре д. Кузьмовыр, как и в литературном языке, функционируют 33 фонемы: 7 гласных и 26 согласных.

1.1. Вокализм

Вокализм представлен 7 фонемами: *и, ы, у, э, ё, о, а* – противопоставленными по подъему и ряду, лабиальности и нелабиальности. Их артикуляционная

характеристика совпадает с артикуляцией гласных литературного удмуртского языка. Эти же гласные характерны для средневосточных [Бушмакин 1971, 10] и всех южноудмуртских [Кельмаков 1977, 27] говоров и для литературного удмуртского языка, причем фонема *ы* употребляется в варианте неогубленного гласного верхнего подъема среднего ряда.

В рассматриваемом говоре наблюдается выпадение некоторых гласных:

1) спорадическое выпадение *ы*:

а) в середине слова в ряде прилагательных с суффиксом *-эс*: *котрэс* ~ *котырэс* 'крулый', *чупрэс* ~ *чупырэс* 'бойкий', *губрэс* ~ *губырэс* 'горбатый', *бابل'эс* ~ *бабыл'эс* 'кудрявый', *гол'трэс* ~ *гол'тырэс* 'сладкий', *шакрэс* ~ *шакырэс* 'шероховатый', *вэс'крэс* ~ *вэс'кырэс* 'стройный', *шукрэс* ~ *шукырэс* 'роскошный'. Вариант без *ы* встречается чаще, а формы с *ы* употребляются в основном в речи молодежи. Такое явление встречается также в средневосточных говорах [Бушмакин 1970, 103], в тыловайском говоре верхнечепецкого диалекта [Тепляшина 1957, 132] и в среднечепецком диалекте удмуртского языка [Карпова 2013, 28];

б) в глагольных формах перед суффиксом инфинитива и в самом суффиксе: *мынны* ~ *мынын* ~ *мыныны* 'идти', *кӧлны* ~ *кӧлын* ~ *кӧлыны* 'спать', *сылны* ~ *сылын* ~ *сылыны* 'стоять', *вайны* ~ *вайын* ~ *вайыны* 'принести, привезти', *курны* ~ *курын* ~ *курыны* 'просить, попросить', *вурны* ~ *вурын* ~ *вурныны* 'шить'. Однако чаще встречаются формы без *ы* в этимологической основе слова. Как отмечают исследователи, выпадение гласного в суффиксе инфинитива – это характерная особенность кезских говоров (кез. – *ужан* 'работать', *турнан* 'косить', *охотн'икан* 'охотиться' и др. [Карпова 2011, 100]). В дебесских говорах верхнечепецкого диалекта и в средневосточных говорах гласная выпадает чаще в этимологической основе слова: деб. *вайны* 'принести', *кӧлны* 'ночевать', *кошкын* 'уйти', *пырны* 'войти' [Карпова 2015, 50–51];

в) перед суффиксом условного наклонения *-сал* в глаголах I спряжения: *пырсал* ~ *пырысал* 'вошел бы', *кылсал* ~ *кылысал* 'услышал бы', *тырсал* ~ *тырысал* 'ложил бы', *нусал* ~ *нуысал* 'унес бы; увез бы'. Выпадение *-ы-* этимологической основы в подобных случаях отмечается во многих говорах удмуртского языка, в том числе – средневосточных [Бушмакин 1970, 103];

г) в абсолютном конце слова в глаголах 1 лица множественного числа изъявительного наклонения настоящего, будущего и очевидного прошедшего времен в утвердительной форме: *курим* (удм. лит. *курим* ~ *куримы*) 'мы попросили', *вэтлис'ком* (удм. лит. *ветлйськом* ~ *ветлйськомы*) 'ходим', *кынтот* (удм. лит. *кынтот* ~ *кынтотмы*) 'заморозим', *лобам* (удм. лит. *лобам* ~ *лобамы*) 'мы летали', *коралом* (удм. лит. *коралом* ~ *кораломы*) 'будем рубить, порубим'. Выпадение гласного в этих формах характерно для близкорасположенных средневосточных говорах [Бушмакин 1970, 104].

Выпадения звука *ы* может и не быть. Например, если перед гласной находится сочетание двух или более согласных, то конечный этимологический гласный глагольной формы сохраняется:

а) перед суффиксом *-ны* инфинитива глаголов I спряжения: *бэртын* ~ *бэртыны* 'возвратиться', *бас'тын* ~ *бас'тыны* 'купить; взять', *вордын* ~ *вордыны* 'воспитать', *вэтлын* ~ *вэтлыны* 'ходить', *лэс'тын* ~ *лэс'тыны* 'делать'. Из приведенных примеров чаще употребляется форма без *ы*;

б) в деепричастиях на *-са, -ку, -тоз', -тэк, -мон*, образованных от глаголов I спряжения: *туптыса* 'поднявши', *лыктыса* 'придя', *вандытэк* 'не разрезав', *с'ис'кыку* 'во время еды' и др.;

в) перед суффиксом *-сал* в глаголах I спряжения условного наклонения в утвердительной и отрицательной формах во всех лицах единственного и множественного числа: *кэрттысал* 'связал бы', *экттысалмы* 'мы танцевали бы', *от кутскысалды* 'вы не начали бы', *ой орччысалзы* 'они не прошли бы', *ой султтысал* 'я не встал бы'.

Как показывают примеры, если перед *-ы-* этимологической основы имеется сочетание согласных, то выпадения гласного не происходит, но при этом выпадает конечный гласный инфинитива.

2) спорадическое выпадение *-э- (-йэ-)* в форме переходного падежа существительных единственного числа: *ул'чати* ~ *ул'чэти* 'по улице', *с'урэсти* 'по дороге', *бусыти* ~ *бусыэти* 'по полю', *н'укти* ~ *н'укэти* 'по лугу', *с'икти* ~ *с'икэти* 'по лесу'. Как видно из примеров, если существительное оканчивается на гласный *а*, происходит регрессивная ассимиляция: гласная основы ассимилируется последующим гласным суффикса, а затем последний выпадает. Варианты с выпавшим гласным *э* чаще всего встречаются в речи пожилого поколения. Данное явление отмечено исследователями также в тыловайском (*бакчатй* 'по огороду' [Тепляшина 1957, 132]) и дебесских говорах верхнечепецкого диалекта: *куноэ* (< *кунойэ*) 'в гости' [Карпова 2015, 50].

В говоре наблюдается также выпадение целых слогов в обстоятельственных наречиях времени и в неопределенном местоимении с препозитивным элементом *оло-*: *ома* (удм. лит. *олома*) 'нечто, неизвестно что', *тарэ* (удм. лит. *табере*) 'теперь', *сэрэ* (удм. лит. *собере*) 'потом'.

В малом количестве слов встречаются единичные случаи корреспондирования гласных:

1) *ö ~ о*: *оскалтын* ~ *оскалтын* ~ *оскалтыны* (удм. лит. *оскалтыны*) 'пробовать, попробовать';

2) *ы ~ и*: *бычатын* ~ *бычатны* ~ *бычатыны* ~ *бичатын* ~ *бичатны* ~ *бичатыны* (удм. лит. *бичатыны*) 'щекотать';

3) *ы ~ э*: *кымыс* ~ *кымэс* (удм. лит. *кымес*) 'лоб'.

Вставка гласных звуков имеет место в русских заимствованиях, когда в разных позициях слова встречаются не характерные для удмуртского языка сочетания согласных. В начале слова вставка звука обнаружена в единственной форме: *искал~скал* (удм. лит. *скал*) 'корова'. В русских заимствованиях гласный чаще всего вставляется в следующих случаях:

а) в начальном слоге между согласными (эпентеза): *кирос* (< рус. крест), *шил'а* (< рус. шлея), *курик* (< рус. крюк);

б) в конечном слоге между согласными и в конце слова: *л'и-тыр* ~ *л'и-тра* (< рус. литр), *мэ-тыр* ~ *мэ-тра* (< рус. метр), *чэтвэ-рик* ~ *чэтвэри-к* (< рус. четверг), *толы-к* (< рус. толк).

1.2. Акцентуация

В рассматриваемом говоре словесное ударение падает в основном на гласную последнего слога слова, как и в литературном удмуртском языке. Однако

довольно значительное количество слов имеет ударение не на конечном слоге. Акцентирование первого слога происходит в следующих формах:

1) в сложных словах, образованных при помощи редупликации односложных слов: *ча-л-чал* 'тихий, тихо-тихо', *гор-рд-горд* 'красный-красный, красным красно', *йу-г-йуг* 'светлый-светлый, светлым светло', *зо-л-зол* 'сильный, сильно-сильно';

2) в отрицательных формах изъявительного и повелительного наклонений (акцентируется первый слог основного глагола): *ой шу-ды* 'я не играл', *ут ку-ры* 'не попросишь', *оэ гы-ры* 'он не пахал', *ум вз-ралэ* 'не скажем', *эн мы-нэ* 'не идите', *эн лы-ктэ* 'не приходите'. Этот вариант фиксации ударения сближает рассматриваемый говор с дебесскими и кезскими [Карпова 2015, 53]. Среднечепецкий и нижнечепецкий диалекты, как большинство южноудмуртских говоров и бесермянское наречие [Кельмаков 1992, 79], в данной категории слов имеют ударение преимущественно на отрицательном вспомогательном глаголе *эн*;

3) в сложных местоимениях и наречиях с препозитивным элементом *кот'-*, *со-*, *та-*, *ма-*, *ог-*: *ко-т'кин* 'всякий', *со-кэм* 'так', *ма-кэм* 'как', *о-ккад'* 'одинаково', *та-кэмэ* 'до сюда', что сближает рассматриваемый говор с дебесскими и кезскими (*ко-т'ма* 'все; все, что угодно', *ко-т'кычэ* 'всякий, любой, какой угодно' [Карпова 2015, 53]). В отличие от него, в среднечепецких говорах местоимения и наречия с элементом *кот'-* произносятся с колеблющимся ударением то на первом, то на конечном слоге: *ко-т'кин* ~ *кот'ки-н* 'всякий, любой', *ко-т'кэтьс'* ~ *кот'кэть-с'* 'отовсюду' [Карпова 2014, 104];

4) в наречиях образа действия с суффиксом *-ак*: *эсо-гак* 'быстро', *шо-н'эрак* 'прямо', *ко-трак* ~ *ко-тырак* 'кругом', *та-чак* 'много', *йу-гак* 'светло';

5) в вопросительных местоимениях и наречиях: *ки-нлы* 'кому, для кого', *ма-лы* 'почему', *кы-ччы* 'куда', *ма-ин* 'как, чем';

6) в отрицательных местоимениях и местоименных наречиях (без усиленной частицы *но*): *н'э-мыр* 'ничто, ничего', *н'э-кин* 'никто', *н'э-кытын* 'нигде, нигде', *н'э-кыз'ы* 'никак'.

В прилагательных с суффиксом *-алэс* и *-мыт*, в отрицательных местоимениях и местоименных наречиях с усиленной частицей *но* акцентируется последний слог: *кон'ыталэ-с* 'сладковатый', *гордалэ-с* 'красноватый', *пэймыталэ-с* 'темноватый', *горды-т* 'красноватый', *вожмы-т* 'зеленоватый', *н'эки-н но* 'никто даже', *н'экыты-н но* 'нигде даже', *н'эку но* 'никогда'. В среднечепецком диалекте у подобных прилагательных акцентируется предыдущий суффикс *-алэс* (*-галэс*) слог [Карпова 2013, 46].

Многосложные наречия с суффиксом *-быт* и отнумеральные местоимения с суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы* имеют ударение на слоге, предшествующем суффиксу как и в большинстве северноудмуртских диалектов: *лумбыт* 'весь день', *гужэ-мбыт* 'все лето, в течение лета', *уйбыт* 'всю ночь', *кыкна-мы* 'мы оба', *н'ыл'на-ды* 'вы все четверо', *вит'на-зы* 'они пятеро'. Этот тип ударения в собирательных числительных зафиксирован исследователями в дебесских [Карпова 2015, 53] и средневожских говорах, а также в бесермянском наречии [Кельмаков 1998, 77].

В порядковых числительных и отнумеральных наречиях акцентируется первый слог суффикса *-эти*: *күйн'э-ти* 'третий, в трех местах', *с'из'ымэ-ти*

‘седьмой, в семи местах’, *дасэ-ти* ‘десятый, в десяти местах’. Подобное ударение для данного грамматического разряда слов встречается также в верхнечепецких [Карпова 2015, 53] и в отдельных срединных [Кельмаков 1998, 76] говорах.

В местоимениях и местоименных наречиях с препозитивным элементом *оло-* ударение ставится на первом слоге местоименной или наречной основы: *олоки-н* ‘кто-то’, *олокы-тын* ‘где-то’, *олокы-з’ы* ‘как-то’, *олома-~ ома* ‘что-то’.

В формах с препозитивными элементами *сон’а-*, *тан’а-* акцентируется второй слог препозитивного элемента: *сон’а-мында* ‘так много’, *сон’а-куз’да* ‘такой длинный’, *тан’а-мында* ‘вот столько’.

1.3. Консонантизм

В рассматриваемом говоре, как и в литературном удмуртском языке и большинстве диалектов, в том числе в соседствующем тыловайском диалекте [Тепляшина 1957, 115], консонантизм представлен 26 фонемами: *б, в, г, д, д’, ж, ж’, з, з’, э, й, к, л, л’, м, н, н’, п, р, с, с’, т, т’, ч, ч’, ш*. Согласные *ф, х, ц, ц* встречаются только в русских заимствованиях: *фэрма-, кофта-, хала-т, щотка-*. Все согласные выступают в роли смыслоразличителей, т. е. являются фонемами.

Особенность кузьмовырского говора – в отсутствии в его консонантной системе общепермского анлаутного согласного *й* перед гласным *а*. По данным исследователей, в дебесских и верхнечепецких говорах, за исключением говоров северо-западной части Кезского р-на (гыинский говор), данный звук также не встречается [Карпова 2015, 49]. Широкое распространение этот консонант имеет в средне- и нижнечепецком диалектах, периферийно-южных говорах [Кельмаков 1993, 35–36; Кельмаков 1998, 85; Тараканов 1964, 78] и в бесермянском наречии [Тепляшина 1970, 119]. В большинстве остальных удмуртских говоров общепермский *й* заместился согласным *в-*.

1.3.1. Наиболее специфические особенности в области консонантизма связаны с употреблением фонемы *й*. Перед аффиксами, начинающимися с гласного звука, этот консонант появляется спорадически:

1) перед *э*:

а) в притяжательных существительных: *коркайэ ~ коркаэ* (удм. лит. *коркае*) ‘мой дом’, *вэдрайэд ~ вэдраэд ~ вэдрэд* (удм. лит. *ведраед*) ‘твое ведро’, *макн’айэз ~ макн’азэз ~ макн’эз* ‘его мякина’;

б) в некоторых существительных, выступающих в форме винительного, творительного, входного и переходного падежей, если основа оканчивается на гласный: *вышкыйэз ~ вышкыэз* (удм. лит. *вышкыез* ‘бочку’, *укнойэз ~ укноэз* (удм. лит. *укноез*) ‘окно’, *тус’тыйэн ~ тус’тыэн* (удм. лит. *тусьтыен*) ‘тарелкой’, *мун’чойэ ~ мун’чозэ ~ мун’чээ* (удм. лит. *мунчое*) ‘в баню’, *пол’чайэ ~ пол’чаэ ~ пол’чээ* (удм. лит. *польчае*) ‘на полку’, *ул’чайэти ~ ул’чаэти ~ ул’чээти* (удм. лит. *ульчаэти*) ‘по улице’, *бусыйэти ~ бусыэти ~ бусыти* (удм. лит. *бусыетий*) ‘по полю’. Как видно из примеров, в некоторых формах происходит регрессивная ассимиляция, когда гласные основы (обычно *о* и *а*) под влиянием последующего гласного уподобляются последнему;

2) в прилагательных обладания перед *о*: *с’эмйайо ~ с’эмйао* (удм. лит. *семьяё*) ‘семейный, имеющий семью’, *чин’ыйо ~ чин’юо* (удм. лит. *чиньыё*) ‘с пальцами, имеющий пальцы’, *укнойо ~ укноо* (удм. лит. *укноё*) ‘с окнами,

имеющий окна', *с'ас'кайо* ~ *с'ас'као* (удм. лит. *сяськаё*) 'с цветами, имеющий цветы'. Из всех перечисленных примеров формы с *й* употребляются в основном в речи и молодого, и старшего поколений. Явление выпадения анлаутного *й* суффиксальной морфемы в положении перед гласными *э*, *а*, *о* отмечается Л. Л. Карповой в говорах, расположенных в центральной и южной частях Кезского р-на, например: кез. *коркаэ* 'мой дом', *узыэз* 'его (ее) земляника', *куноэ* 'в гости' и т.д. [Карпова 2011, 103]; а также в дебесских говорах: деб. *кудыэ* 'в лукошко', *пыт'ыэд* 'твой след' [Карпова 2015, 50]. В тыловайском говоре между конечным гласным основы и начальным гласным суффикса консонант *й* также отсутствует [Тепляшина 1957, 130].

Звук *й* всегда употребляется в глагольных формах, образованных от имени существительного, основа которого оканчивается на гласный: *борыйас'* (удм. лит. *борыась*) 'собирающий клубнику', *губийас'* (удм. лит. *губиясь*) 'грибник', *узийан* ~ *узийаны* (удм. лит. *узыяны*) 'собирать землянику', *кунойан* ~ *кунояны* (удм. лит. *кунояны*) 'гостить'.

1.3.2. Согласные *н*, *д*, *т* в позиции после гласного *и* не смягчаются; например: *кин* (юж. *кин'*) 'кто', *пумит* (юж. *пумит'*) 'против', *гид* (юж. *гид'*) 'хлев', *с'ин* (юж. *с'ин'*) 'глаз, глаза'.

1.3.3. Употребление аффрикат:

а) в начале слова встречаются все аффрикаты без исключения: *йсыны* 'половина', *эйчы* 'лиса', *ёушйал* 'еж', *чэчы* 'мед', *чун'ы* 'жеребенок';

б) в середине односложных слов функционируют аффрикаты *й* и *й̄*: *кый̄э* ~ *көй̄э* 'какой', *кучо* 'пегий, пестрый', *кочо* 'галка', *вачэ* 'вдвоем'; *улзыны* 'оживиться', *куззыны* 'опьянеть', *й̄öзэктныны* '(об)леденеть'. Необходимо отметить, что древняя аффриката *й̄* в инлауте перед *к* в рассматриваемом говоре деаффрикатизируется и заменяется фрикативным *ш* (*вышкы* 'бочка', *ёушкон* 'полотенце'); это не характерно для других северноудмуртских диалектов, в том числе тыловайского (*бычкалтыны* 'уколоть, воткнуть, вонзить' [Тепляшина 1957, 127]) и дебесских (*вычкы* 'бочка', *вачкала* 'старинный, древний') [Карпова 2015, 51] говоров.

Как и в литературном языке, в рассматриваемом говоре употребление аффрикаты *й̄* в середине слова возможно только в позиции после звонких согласных, а также в суффиксах после гласных *у* и *ö*: *гылзыны* 'скользить, поскользнуться', *урзыны* 'загноиться', *улзыны* 'оживиться', *вузэктныны* 'стать водянистым', *й̄öзэктныны* '(об)леденеть'. В соседних верхнечепецких говорах (например, в тыловайском) аффриката *й̄* встречается на месте фрикативного *з'*: *толэз'* 'месяц', *шузйи* 'глупый, дурной, скверный' [Тепляшина 1957, 124].

Аффриката *й̄с* в исследуемом говоре в инлауте не употребляется, тогда как в соседних: тыловайском (*кырый̄саны* 'скривиться, покоситься') [Тепляшина 1957, 126] и средневожосточных говорах (*й̄сöй̄сон* 'толокно') [Бушмакин 1971, 14] – она в данной позиции функционирует;

в) в конце слова из всех аффрикат встречается только *й̄*: *пый̄* 'блоха', *пучй̄* 'жердь', *пукый̄* 'лук';

г) в наречиях и глаголах в сочетаниях *-тч-* согласный *т* под влиянием палатальной аффрикаты *ч* смягчается и ассимилируется с последним, как

и в литературном языке, образуя двойной ч: *бурччин* ‘шелковый’, *кыччы* ‘куда’, *оччы* ‘туда’, *таччы* ‘сюда’, *уччаны* ‘искать’, *тэччыны* ‘прыгнуть’. В дебесских говорах произношение звукосочетания *-тч-* не представляет единства: в северной части Дебесского р-на составные звуки аффрикаты ч (*т'с'*) в указанном сочетании *тч* под влиянием твердого согласного *т* веляризуются и образуют звук *тс*, близкий русскому *ц*; в других же – согласный *т* под влиянием мягкой аффрикаты ч, наоборот, смягчается и ассимилируется с последним, образуя двойной ч. Причем в некоторых говорах отмечается параллельное употребление форм и с *цц*, и с *чч* (см. подробнее: [Карпова 2015, 52]). В срединных говорах звукосочетание *-тч-*, как в удмуртском литературном языке, произносится *-чч-*: *кыччы* ‘куда’ [Кельмаков 1998, 205].

2. Морфология

Описываемый говор – пограничный между верхнечепецкими и средневосточными, в силу чего, в нем встречаются явления, сближающие его с языковыми особенностями соседних диалектов. В данной работе предпочтение отдано освещению особенностей, выделяющих этот говор среди других диалектов и наречий удмуртского языка.

2.1. Существительное

1. Множественное число существительных в описываемом говоре образуется при помощи суффиксов *-ос* (в словах с основой на гласный) и *-йос* (в словах с основой на согласный), как и в большинстве других удмуртских говоров. Примеры-предложения: *со н'укын кыз'пуос гинэ будо*. ‘В том логу растут одни березы’; *пуныос толон у'йбыт вузизы*. ‘Вчера собаки выли всю ночь’; *эх, нылйос, тодсалды кэ ти, ма с'улэмам ватскэмын*. ‘Эх, девочки, знали бы вы, что спрятано в моем сердце’. В некоторых среднечепецких [Карпова 2013, 39] и нижнечепецких [Тепляшина 1957, 130] говорах консонантный вариант суффикса употребляется также в словах, оканчивающихся на гласный.

Показатели множественного числа не всегда связаны с оппозицией единственного и множественного. Суффикс множественного числа может применяться:

а) при обозначении жителей населенных пунктов, а не множества самих населенных пунктов, например: *байвалйос* ‘жители деревни Байвал’, *куз'мовырйос* ‘жители Кузьмовыра’. Пример-предложение: *байвалйос туэ гыронбыттонын ичи вал* ‘Жителей деревни Байвал в этом году на празднике плуга было немного’.

б) в функции собирательности с собственными именами, выражающими родственные отношения: *зотикйос* ‘члены семьи рода Зотик’, *марпйос* ‘члены семьи Марфы’, *он'эййос* ‘члены семьи рода Оней’. Пример-предложение: *ма, он'эййос татын трос гинэ уло*. ‘Из рода Оней здесь многие живут’. Употребление формы множественного числа в подобных функциях описано в соседних среднечепецких [Карпова 1997, 82–83] и средневосточных [Бушмакин 1971а, 207] говорах.

2. В рассматриваемом говоре, как и в литературном удмуртском языке, различаются 15 падежей. В соседних средневосточных говорах их увеличение объясняется наличием своеобразного звательного падежа [Бушмакин 1971, 18], а в среднечепецких – функционированием особых местных падежей с элементом *-н'* [Карпова 1997, 85–89; Карпова 2013, 40–41; Карпова 2016, 210–211], что

«обозначает не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-) либо и т. д., но выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, пределах усадьбы), принадлежащем кому-либо; направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо и т. д.» [Максимов 1999, 194]. Но не все падежные формы употребляются одинаково: одни – часто, другие – гораздо реже. Так, в кузьмовырском говоре реже, по сравнению с другими удмуртскими диалектами, встречается аппроксиматив. Формам этого падежа со значением направления по месту или времени чаще всего соответствует сочетание существительного в номинативе с послелогом *пала* ‘по направлению’: *с'ик пала* ‘по направлению к лесу’, *бусы пала* ‘по направлению к полю’. Пример-предложение: *кабанъёс зёг пöлти кöшкэмáнн'ук пала вáс'кизы*. ‘Кабаны по ржаному полю пошли по направлению к логу Кöшкэмáннок. Такое явление фиксируется исследователями также в говорах среднечепецкого диалекта [Карпова 1997, 90; Карпова 2013, 42].

3. Для выражения цели, причины и мотива действия, вместо датива южно-удмуртских говоров с показателем *-лы*, в рассматриваемом говоре выступает сочетание существительного в номинативе с послелогом *дурэ* ‘за, для, ради’: *кучкулад дурэ* ‘за щавелем’, *н'ан' дурэ* ‘за хлебом’. Пример-предложение: *пичи дýрйáмы оччы кучкулад дурэ вэтлис'ком вал*. ‘Когда мы были маленькими, туда за щавелем ходили’. В говорах среднечепецкого диалекта также используется подобное сочетание, только с послелогом *понна* ‘за, для, ради’ [Карпова 1997, 89].

4. Из суффиксов субъективной оценки встречаются *-и* (в именах, обозначающих родственные отношения и личных именах): *мами* ‘мамочка’, *баби* ‘ласковое обращение к бабушке’, *пэт'и* ‘Петенька’ и *-(й)ок* (для выражения ласкательности – с некоторым оттенком уменьшительности): *пийок* ‘сынок, сыночек’, *нылок* ‘дочка, доченька’. В среднечепецких диалектах исследователи отмечают и другие суффиксы: *-ка* (*иринка* ‘Иринка’) и *-уш* (*над'уш* ‘Наденька’) [Карпова 1997, 101–102], которые в рассматриваемом говоре не употребляются. В тыловайском говоре встречается иной суффикс субъективной оценки – *-у*: *л'уду* ‘Людочка’, *л'эну* ‘Леночка’ (личное сообщение Л. Л. Карповой), не встречающийся в кузьмовырском говоре.

5. В анализируемом говоре своеобразно отсутствие специфичных суффиксов со значением ‘место действия’ *-н'и* и *-ти*, которые употребляются в соседних средневосточных (*-ти* – якшур-бодьинский, западная часть сосновского говоров; *-н'и* – шарканский, восточная часть сосновского говоров) [Бушмакин 1969, 61–62], прикильмезских (суффикс *-ти*) [Загуляева 1979, 106] и верхнечепецких (суффикс *-н'и*) [Алашеева 1982, 92] говорах, а также в среднечепецком диалекте (суффикс *-н'и*) [Карпова 1997, 99–100]. Суффикс *-н'и* – специфичный формант для северных диалектов удмуртского языка, а *-ти* характерен больше для средних говоров. Функции этих суффиксов в рассматриваемом говоре выполняют слово *инты* ‘место’ и русское заимствование *мэста* ‘место’ (последнее – чаще): *визнан инты* ‘место, где рыбачат’; *губийан мэста* ‘место, где собирают грибы’; *куйас'кон мэста* ‘свалка’; *турнан мэста* ‘место косьбы; место, где косят’, что характерно и для дебесских говоров [Карпова 2016, 201]. Пример-предложение: *с'икын ал'и вэзд'э куйас'кон мэста лэс'то*. ‘В нынешнее время в лесах повсюду свалку устраивают’.

2.2. Прилагательное

У этой части речи в кузьмовырском говоре, как и в удмуртском литературном языке – три степени сравнения: положительная, сравнительная и превосходная.

2.2.1. Сравнительная степень образуется чаще всего присоединением к основе прилагательного суффикса *-гэм* (реже – *-гэс*): *зёкгэм* ‘толще’, *мургэм* ‘глубже’, *пэймытгэм* ‘темнее’. Пример-предложение: *бэн, мил'ам скалмы та-излэс' пэймытгэм*. ‘Да, наша корова темнее, чем эта’. В соседних средневосточных говорах [Бушмакин 1969, 63–65] употребляются суффиксы сравнительной степени *-гэзгэм* или *-гэмгэс*, а в среднечепецком диалекте [Карпова 2013, 45] – *-гэсгэм* или *-гэмгэс*.

2.2.2. Для выражения превосходства качества сравниваемого предмета используется усилительное слово *са·мой* ‘самый’, при этом прилагательное чаще всего оформляется выделительно-указательным суффиксом: *са·мой базэ́ымэз йа-блок* ‘самое большое яблоко’, *са·мой йёужытэз кыз* ‘самая высокая ель’, *са·мой чэбэрэз плат'йа* ‘самое красивое платье’. Пример-предложение: *оско·д-а, у·д-а, мыным папэд са·мой базэ́ымэз йаблок с'отиз*. ‘Поверишь ли, мне твой отец дал самое большое яблоко’. В соседних средневосточных говорах [Бушмакин 1971, 19] также употребляется лексема *са·мой* ‘самый’, только с некоторым различием: прилагательное не оформляется выделительно-указательным суффиксом. В других говорах северного наречия, например, в нижнечепецких и среднечепецких [Тепляшина 1970, 170; Карпова 1997, 109], кроме указанного слова, для выражения превосходной степени используется слово-усилитель *с'эк* (< рус. *всех*).

Другим выражением превосходной степени в кузьмовырском говоре являются препозитивные местоимения *ва·н'мыз* ‘все’ и *ко·т'кин* ‘хоть-кто, любой’ в аблативе в сочетании с прилагательным в положительной степени: *ва·н'мызлэс' трос с'иш* ‘он (она) больше всех съел(а)’, *ко·т'кинлэс' трос пудозы* ‘у них больше всех скотины’. Употребление подобных местоимений (*вича·к* ‘все’, *ко·т'кин* ‘хоть-кто, любой’, *ко·т'ма* ‘хоть-что’) отмечается в среднечепецком диалекте удмуртского языка [Карпова 2013, 45].

2.2.3. Модератив (степень неполного качества) в рассматриваемом говоре образуется в основном при помощи суффикса *-алэс* (реже – *-мыт*): *курыталэ·с* ‘горьковатый’, *чырсалэ·с* ‘кисловатый’, *гордмы·т* ‘красноватый’, *лызмы·т* ‘синеватый’, причем ударение ставится на конечный слог. Пример-предложение: *йа, пийэ, вит'-ай, кытын кэ татын лызмы·т кн'ига вал*. ‘Ну, сынок, подожди-ка, где-то здесь синеватая книга была’. Показатель *-мыт* может присоединяться лишь к именам прилагательным, обозначающим цветовой признак. В среднечепецких говорах [Карпова 2013, 46], кроме указанных выше формантов, функционируют также следующие суффиксы: *-пыр*, *-прэс*, *-гэс* и *-галэс* (< *-гэс* + *-алэс*). В нижнечепецком и верхнечепецком диалектах для выражения неполного качества отмечаются суффиксы *-мыт* и *-алэс* [Карпова 2016, 213].

2.2.4. Интенсив (высокая степень качества) в исследуемом говоре выражается двояко: 1) присоединением к положительной форме прилагательного следующих усилительных слов: *дото́во* ‘очень, слишком, чрезмерно’, *л'э·кос* ‘очень, слишком, исключительно’, *туж* ‘очень’, *ту·жын* ‘очень’, *уқыр* ‘чрезмерно, чересчур’: *дото́во·л'эк пуны* ‘очень злая собака’, *л'э·кос базэ́ым бусы* ‘слишком большое

поле', *туж гылыт с'урэс* 'очень скользкая дорога', *тужын зök пужым* 'очень толстая сосна', *уқыр пöс' гужэм* 'чересчур жаркое лето' и 2) редупликацией основ: *вож-вож турын* 'зеленая-зеленая трава' *чуж-чуж с'ас'ка* 'желтый-прежелтый цветок'. Пример-предложение: *уқыр пöс' гужэм дырйа ыжйосыд, быжзэс урдыса, ворттыса кызийос улэ пегзö*. 'Когда чересчур жаркое лето, овцы-то, задрав хвосты, бегут под ели'. Кроме того, различные степени высокого качества образуются при помощи изобразительных слов и основной формы прилагательного: *т'о'м- т'ом пэймыт уй* 'очень темная ночь', *чил' с'öd йырси* 'черные-черные волосы'. Из всех перечисленных средств выражения интенсификации чаще употребляется первый: использование усилительных слов. В северных диалектах удмуртского языка функционируют и другие усилительные слова: *йун* 'очень', *раттэм* 'очень, слишком' – в среднечепецких говорах [Карпова 2013, 47], *орччым, тыпыл'ак, көшкэм, бэда, прöч* с общим значением 'очень, слишком, исключительно, чрезвычайно' – в нижнечепецких [Тепляшина 1970, 170], для кузьмовырского говора нехарактерные.

2.3. Числительное

Говору дер. Кузьмовыр не свойственны формы выражения дробных числительных с формантом *-мос*. Дробные величины, как правило, образуются описательным способом, например: *күйн' вэдрэз н'ыл' л'укэтлы л'ук но учкы – быдэсэн уз тырмы ни*. 'Три ведра на четыре части раздели и посмотри – по целому не наполнится уже'. Смешанные дроби в речи среднего и старшего поколений употребляются лишь с половинными долями – со словом *жсыны* 'половина': 4,5 – *н'ыл' но жсыны* 'четыре с половиной', 6,5 – *күйат' но жсыны* 'шесть с половиной'. С остальными дробными величинами смешанные дроби не используются.

Порядковые числительные в кузьмовырском говоре имеют суффикс *-эти* (ударение при этом всегда падает на первый слог суффиксального показателя): *күйн'э-ти* 'третий', *укмысэ-ти* 'девятый', *дасэ-ти* 'десятый', как и в соседних верхнечепецких говорах. В среднечепецком диалекте согласный *т* суффикса смягчается [Карпова 2013, 49; Карпова 2014а, 192].

На современном этапе, вследствие непосредственного контакта удмуртского и русского населения, удмуртские числительные заменяются русскими, независимо от возраста говорящего (особенно при обозначении дат): *мон д'эвэццот трина'ццэтом году вордскэмын*. 'Я родился в [тысяча] девятьсот тринадцатом году'.

2.4. Местоимение

В исследуемом говоре выделяются те же разряды местоимений, что и в удмуртском литературном языке. Некоторые особенности сводятся к следующему.

2.4.1. Аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа образуется с помощью суффикса *-ды*, 3-го лица – *-ты*: *мил'эмды* 'нас', *тил'эдды* 'вас', *соосты* 'их'. Пример-предложение: *война дырйа мил'эмды кэкоранэ чугун с'урэс лэс'тыны кэл'азы*. 'Во время войны нас послали строить железную дорогу в Кекоран'. В среднечепецких говорах в 1-ом и 2-ом лице употребительны три параллельные формы: с аффиксами *-эсть*, *-дъ* и *-эс* [Карпова 2013, 50], – а третье лицо совпадает, за исключением гласного суффикса.

2.4.2. Датив личных местоимений 1-го и 2-го лица имеет усеченную форму, тогда как в других диалектах, особенно южных, он употребляется с падежным по-

казателем *-лы*: *мил'эм* 'нам', *тил'эд* 'вам'. Пример-предложение: *сос'эд туннэ тил'эд турын вайоз*. 'Сосед сегодня вам сено привезет'. В среднечепецких говорах у формы дательного падежа тоже усеченная форма [Карпова 1997, 119; Карпова 2013, 50].

2.4.3. Аппроксиматив личных местоимений в кузьмовырском говоре имеет тенденцию к исчезновению. Формы *монлан'* 'по направлению ко мне, в сторону меня', *тилан'* 'по направлению к вам, в вашу сторону' употребляются в основном в речи пожилого населения и заменяются на конструкции с послелогом: *ми пала* 'по направлению к нам, в нашу сторону', *тон пала* 'по направлению к тебе, в твою сторону', что характерно также для других диалектов северного наречия удмуртского языка, например, среднечепецких [Карпова 2013, 50].

2.4.4. Усилительно-личные местоимения ничем не отличаются от соответствующих форм местоимений литературного удмуртского языка и большинства срединных и южных говоров: *ачим* 'я сам', *ачид* 'ты сам', *ачиз* 'он сам', *ас'мэос* 'мы сами', *ас'тэос* 'вы сами', *ас'сэос* 'они сами', тогда как в отдельных диалектах северного наречия (глазовский [Лыткин, Тепляшина 1959, 224], нижнечепецкий [Тепляшина 1970, 177], среднечепецкий [Карпова 1997, 120; Карпова 2013, 51]) у этих местоимений во множественном числе несколько иное фонетическое оформление: *ачимэс* ~ *ачымэс* 'мы сами', *ачидэс* ~ *ачыдэс* 'вы сами', *ачизэс* ~ *ачызэс* 'они сами'.

2.4.5. Отнумеральные местоимения в описываемом говоре образуются и синтетическим (при помощи суффикса *-на-* и лично-притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица мн. числа): *кыкна·мы* 'мы оба', *н'ыл'на·ды* 'вы четверо', *вит'на·зы* 'они пятеро'. Примеры-предложения: *вит'на·зы ик турын пöлы ватскил'л'ам*. 'Они все пятеро спрятались, оказывается, в траве'; *мамэным со нуналэ кык куз'а носилкэн кыйэд нуллим*. 'Мы с мамой в тот день вдвое на носилках носили навоз'. Заметим, что наиболее распространенная форма выражения, и в среднечепецком диалекте [Карпова 2013, 49] (правда, там вместо *куз'а* употребляется слово *чошэн* или *чөчэн*) – это аналитический тип, свойственный в основном североудмуртским диалектам, а также кукморскому и шошминскому говорам.

Кроме исконно удмуртских местоимений, в речи носителей кузьмовырского говора широко функционируют и русские заимствованные местоимения типа *с'а·кой* 'всякий', *л'убой* 'любой', *ка·ждой* ~ *ка·ждый* 'каждый'. Эта особенность – характерная черта также среднечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 1997, 127; Карпова 2013, 51].

2.5. Глагол

В говоре дер. Кузьмовыр, как и в удмуртском литературном языке, глагол имеет спрягаемые и неспрягаемые формы. К спрягаемым относятся те, которым свойственны изменяемые формы лица, числа, наклонения и времени. Неспрягаемые формы (инфинитив, причастие, деепричастие) в основном не имеют изменяемых форм лица, числа, наклонения и времени.

2.5.1. Из четырех наклонений глагола, используемых в речи жителей описываемого населенного пункта, подробнее остановимся на двух: условном и желательном, – которые в оформлении имеют небольшие расхождения с другими удмуртскими диалектами.

В исследуемом говоре глаголы условного наклонения в единственном числе и в положительной, и в отрицательной формах, подобно другим североудмурт-

ским диалектам [Карпова 2013, 52], употребляются без личных показателей: (*мон*) *гырсал* ‘(я) вспахал бы’, (*тон*) *гырсал* ‘(ты) вспахал бы’, (*со*) *гырсал* ‘он вспахал бы’. Отметим, что оформление условного наклонения с личными суффиксами (кроме 1-го лица ед. числа) – это особенность южноудмуртских говоров.

У отрицательных форм желательного наклонения в рассматриваемом говоре есть общие черты с верхнечепецким и среднечепецким диалектами [Карпова 2016, 212]: при изменении по лицам и числам ни основной глагол, ни частица *мэдам* ‘пусть не’ не принимают лично-числовых показателей: (*мон*) *мэдам лыкты* ‘пусть (я) не приду’, (*тон*) *мэдам лыкты* ‘пусть (ты) не придешь’, (*со*) *мэдам лыкты* ‘пусть (он) не придет’, (*ми*) *мэдам лыктэ* ‘пусть (мы) не придем’, (*ти*) *мэдам лыктэ* ‘пусть (вы) не придете’, (*соос*) *мэдам лыктэ* ‘пусть (они) не придут’. В южноудмуртских диалектах и нижнечепецких говорах [Кельмаков 1998, 108] в аналогичном случае лицо выражает частица *мэдам* ‘пусть я не’, *мэдад* ‘пусть ты не’ и *мэдаз* ‘пусть он (она, оно) не’, а показатель числа (ед. - \emptyset / мн. -*лэ*) присоединяется к глагольной части.

2.5.2. У категории времени глагола кузьмовырского говора также есть ряд отличительных черт по сравнению с соседними диалектами.

Во-первых, гласный *-ы-* (> *-и-*) основы инфинитива глаголов I спряжения в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа не выпадает: *потис'код* ‘(ты) выходишь’, *с'отис'ком* ‘(мы) отдаем’, *сылис'коды* ‘(вы) стоите’. В среднечепецких [Карпова 2013, 53] и нижнечепецких [Тепляшина 1970, 179] говорах этот гласный может выпадать, если не возникает труднопроизносимого сочетания согласных, а последующий согласный *с'* суффикса *-с'к-* депалатализируется. В соседних средневосточных [Бушмакин 1970, 105] и прикильмезских [Загуляева 1979, 60] говорах в презенсе 1-го и 2-го лица происходит стяжение *-ск-* в *-к-*.

Во-вторых, отрицательные формы второго прошедшего времени в рассматриваемом говоре, как и в других северноудмуртских диалектах, образуются аналитическим способом: сочетанием отрицания *өвөл* ‘не, нет’ со спрягаемой формой основного глагола.

В таком сочетании по лицам и числам изменяется основной глагол, который в единственном числе в основном не имеет личных показателей, хотя во 2-м лице показатель может и присутствовать, и отсутствовать: *өвөл лыктис'кэм* ‘я не пришел, оказывается’, *өвөл лыктэм(эд)* ‘ты не пришел, оказывается’, *өвөл лыктэм* ‘он (она) не пришел (пришла), оказывается’. Во множественном числе в 1-м лице личный формант присутствует обязательно, а формы 2-го и 3-го лица могут употребляться и с личными показателями, и без них: *өвөл лыктис'кэммы* ‘мы не пришли, оказывается’, *өвөл лыктил'л'ам(ды)* ‘вы не пришли, оказывается’, *өвөл лыктил'л'ам(зы)* ‘они не пришли, оказывается’. Причем последние, как и в среднечепецком диалекте [Карпова 2013, 53], чаще встречаются без личных показателей.

2.5.3. Многократный вид от глаголов II спряжения в рассматриваемом говоре образуется при помощи суффикса *-л'л'а-*: *вэрал'лан* ~ *вэрал'л'аны* ‘говорить (неоднократно)’, *сурал'лан* ~ *сурал'л'аны* ‘мешать, помешать (неоднократно)’, *шонал'лан* ~ *шонал'л'аны* ‘махать (неоднократно)’. Пример-предложение: *пичи дырйам мон тросгэс ыжйюсты пастукал'л'ай*. ‘В детстве я больше овец пастушил’. В срединных говорах сохранился первичный вариант этого показателя

(-*лийа*-) [Кельмаков 1998, 144], а в среднечепецком диалекте суффикс многократного вида -*л'л'а*- может редуцироваться: *вэрал'л'ал'л'ань* 'говорить (неоднократно)' [Карпова 2013, 54].

2.5.4. Глаголы притворной модальности в кузьмовырском говоре, в отличие от южных и отчасти срединных диалектов, где данная категория формально выражается морфологическим способом – с помощью суффикса *-(э)мйас'кы*- [Кельмаков 1998, 144–145], образуются только аналитическим способом: сочетанием причастия на *-(э)м* от основного глагола (иногда со словом *улэ* 'под, низ') с изменяемым глаголом *аналскын ~ аналскыны* 'притворяться, отстраняться' и *карыны ~ карны ~ карын* 'делать': *көлэм улэ аналскын ~ көлэм улэ аналскыны* 'притворяться спящим', *кылзэм карын ~ кылзэм карны ~ кылзэм карыны* 'притворяться слушающим'. Пример-предложение: *со чүкна мон вис'эм улэ аналскыса гуртэ кыл'и*. 'В то утро я дома остался, притворившись больным'. Аналитический способ выражения мнимости совершения действия присущ также среднечепецкому диалекту [Карпова 1997, 151; Карпова 2013, 55], верхнечепецким и средневосточным говорам [Алашеева 1982, 93; Бушмакин 1969, 68].

2.5.5. В исследуемом говоре неспрягаемые формы глагола, представленные инфинитивом, причастием и деепричастием, в основном образуются так же, как и в литературном языке. Различия проявляются в несколько ином фонетическом оформлении некоторых морфем.

Инфинитив глаголов I спряжения, наряду с полной формой, может выступать и в усеченном варианте: *вайны ~ вайын ~ вайыны* 'принести, привезти', *курны ~ курын ~ курыны* 'просить, попросить', *вурны ~ вурын ~ вурыны* 'шить'. Однако чаще всего встречаются формы без *ы* в этимологической основе слова. Исследователи отмечают, что выпадение гласного в суффиксе инфинитива – это характерная особенность кезских (*ужан* 'работать', *турнан* 'косить', *охотн'икан* 'охотиться' и др. [Карпова 2011, 100]), а также соседних дебесских и тыловайского говоров верхнечепецкого диалекта: деб. *вайны* 'принести', *көлны* 'ночевать', *кошкын* 'уйти', *мад'ын* 'рассказывать', *пырны* 'войти' [Алашеева 1982, 92; Карпова 2015, 50–51; Тепляшина 1957, 131].

В последние десятилетия прошлого века получило широкое распространение образование инфинитива от русских глагольных форм: *жарит'тын ~ жарит'тыны* 'жарить, пожарить', *звонит'тын ~ звонит'тыны* '(по)звонить (по телефону)', *пил'ит'тын ~ пил'ит'тыны* 'пилить доски (на лесопилке)' и др.

Интересен тот факт, что в кузьмовырском говоре причастия настоящего времени, образованные от глаголов I спряжения, в отличие от других диалектов северноудмуртского ареала, образуются при помощи суффикса *-ис'*, как в южноудмуртских говорах и литературном языке: *куруис'* 'просящий', *орччис'* 'проходящий', *с'удис'* 'кормящий'. Согласно исследованиям ученых, в соседних северноудмуртских и многих срединных говорах этот суффикс имеет форму *-ыс'* (*-ьс'*) [Карпова 2013, 55; Кельмаков 1998, 155–156].

Широко распространенный в диалектах деепричастный суффикс *-тоз'* в исследуемом говоре употребляется в двух вариантах (*-тоз' // -ччоож*): *лызэытоз' // лызэыччоож* 'до чтения; до того, как прочитать', *курччытоз' // курччыччоож* 'до укуса; до того, как укусить', *сылалтытоз' // сылалтыччоож* 'до засола; до того,

как засолить'. Пример-предложение: *кынтылыны кутскытоз' // кутскыччоож ка:ждой сэмыа со с'икэ жаз'эг с'ины вэтлэ вал*. 'До того, как начнутся заморозки, каждая семья ходила в этот лес есть гуся'. В соседних верхнечепецких говорах этот суффикс также имеет два варианта – *-ччоож* и *-тоз'* (вч. *вэтлыччоож ~ вэтлытоз'* 'пока ходишь') [Алашеева 1982, 93], в среднечепецком диалекте – *-ччоз'* (сч. *кутскыччоз'* 'до начала; до того, как начать'), возникший в результате контаминации *-тоз'* и *-ччоож* [Карпова 2013, 56; 2016, 220; Кельмаков 1998, 158].

2.6. Наречие

Эта часть речи в кузьмовырском говоре по функционированию, образованию и фонетической форме не отличается от наречий удмуртского литературного языка. Различия выявляются лишь в сравнении с соседними севернудмуртскими или срединными говорами.

2.6.1. Так, в отличие от среднечепецкого диалекта, в указательных наречиях согласный *t* не смягчается: *оти* 'там, по тому месту', *тати* 'здесь, по этому месту' и не выпадает гласная *-и* (сч. *от'* (~ *от'и*), *тат'* (~ *тат'и*)) [Карпова 2013, 56]. Пример-предложение: *кэмалас' тати война орччэм*. 'Здесь давно война была [прошла]'.

2.6.2. В некоторых наречиях образа действия нет выпадения конечной *-ы*: *оз'ы* 'так, таким образом', *таз'ы* 'так, таким образом'. Пример-предложение: *крук шорын пиосмурт кэ, со таз'ы кыржа*. 'Если в кругу [находится] мужчина, он поет так'. В среднечепецких говорах данные лексемы употребляются и с конечным гласным, и без такового [Карпова 1997, 160]. В некоторых срединных говорах выпадение *ы* тоже наблюдается, причем в своей структуре эти наречия сохранили этимологический согласный *ž*: *оžы ~ оз'ы* 'так' [Кельмаков 1998, 87].

2.6.3. Произношение наречий *кыччы* 'куда', *оччы* 'туда', *таччы* 'сюда' не отличается от удмуртского литературного языка, тогда как в соседних верхнечепецких говорах [Алашеева 1982, 92] и среднечепецком диалекте [Карпова 2013, 36] составные звуки аффрикаты *ч* в звукосочетании *тч* веляризуются и образуют звук *тс*, близкий к русскому *ц*: вч. *кыццы*, сч. *кьцць* 'куда', вч. *оццы*, сч. *оцць* 'туда', вч. *кыццы*, сч. *кьцць* 'куда'. Пример-предложение: *кыччы гынсапэгэдлэн нырыз воз'матэ, оччы ик быз'од*. 'Куда показывает носок твоего валенка, в ту сторону и выйдешь замуж'.

Состав наречий кузьмовырского говора своеобразен еще тем, что в нем встречается ряд специфических лексем, употребляющихся, как правило, в севернудмуртских говорах, но отсутствующих в других удмуртских диалектах: *мыым* 'в прошлом году', *та-чак* 'много, полным-полно', *то-кма* 'зря, напрасно'.

В исследуемом говоре функционирует некоторое количество наречий, заимствованных из русского языка: *вэзд'э* 'повсюду', *вократ* 'как раз', *во-кс'о* 'вовсе, совсем', *дото-во* 'очень, слишком; сильно', *наро-ино* 'нарочно', *опэт'* 'опять, снова', *сра-зу* 'сразу'. Пример-предложение: *сойэ вэ-зд'э тыро пырон аз'ын*. 'Это [можжевеловые ветки] кладут повсюду на входе'.

2.7. Послелог

В кузьмовырском говоре функционируют в основном те же послелого, что и в литературном языке. Есть некоторые отличия в употреблении отдельных послелогов.

2.7.1. Цель действия может выражаться послеложной конструкцией существительное + *дурэ*: *магазинэ н'ан' дурэ вэтлын* 'сходить в магазин за хлебом',

складэ з'эрно дурэ тубны 'пойти (букв. подняться) в склад за зерном', бакчээ сугон дурэ потны 'выйти в огород за луком'. В среднечепецких говорах данная конструкция употребляется с послелогом *понна* 'за, ради, для' [Карпова 2013, 57].

2.7.2. В описываемом говоре параллельно употребляются послелоговые пространственных значений с основой на *дор-* 'близость, околица' и *дин'-* 'близость, основание, комель' при обозначении местонахождения у или *около* кого-либо, движения *от* кого-либо, *к* кому-либо. Примеры-предложения: *ис'кавын дин'э пырай* 'Я к родне заходила'; *сос'эд доры йёл дурэ потиз* 'Она к соседу пошла (букв. вышла) за молоком'; *огнас улис' пэрэс' дорын вождодырээ кэл'ало* 'Святки провожают у одиноко живущей бабушки'; *эшсы дин'ыс' ал'и гинэ вуизы* 'Они только что вернулись от товарища'. При этом послелоговые с основой на *дор-* употребляются чаще. В соседних верхнечепецких говорах (за исключением говоров северо-запада Кезского р-на) в данных конструкциях функционируют послелоговые с основой *-дин'* 'у, около, возле, при', а в среднечепецком диалекте и нижнечепецких говорах – приблизительно-местные падежи с *-н'-*евым признаком [Карпова 2016, 210–211].

2.7.3. Для исследуемого говора специфично употребление послелога *вылти* 'во время' для выражения временных отношений. Примеры-предложения: *война вылти вал со* 'Это было во время войны'; *турнан вылти оти орчим* 'Мы прошли там во время сенокоса'. В срединных говорах в таких случаях используется послелог *дырйа*: *граждан ожмас'кон дырйа* 'во время гражданской войны' [Зверева 1982, 66]. В некоторых говорах среднечепецкого диалекта послелог *вылти* в аналогичном значении используется в несколько иной фонетической форме: *вълки, вълкът'и, вълъки, вълън* 'по, за, в, во время' [Карпова 2013, 127–128].

2.8. Союз

Большинство союзов, функционирующих в кузьмовырском говоре, совпадает с союзами литературного языка. Характерная особенность данного разряда служебных слов в рассматриваемом говоре – то, что здесь, как и в соседних северноудмуртских диалектах [Карпова 2013, 58; Тепляшина 1970, 185–186] и срединных говорах [Бушмакин 1971, 25], чаще, чем в литературном языке и многих других диалектах, употребляются русские союзы *йэ-сл'и* 'если', *и-л'и* 'или', *л'и-бо* 'либо, или', *потому што* 'потому что'. Примеры-предложения: *ымнырээс кышэтэн и-л'и чушконэн вато вал* 'Они лицо свое платком или полотенцем закрывали (букв. прятали)'; *йэ-сл'и буко улти потыку ныл уг йё тылы буко борды, со туэ быз'оз* 'Если девушка не задевает дугу, проходя под ней, она нынче выйдет замуж'; *жёк пумэ ко-т'ку с'ийон л'и-бо йуон пуктис'ко* 'Я на край стола всегда еду или питье ставлю'; *эшмэ валтыса нуоно луиз, потому што с'инмыз ныктэмын вал, и со уг а-зэы ни вал* 'Друга моего пришлось [за руку] вести, потому что глаза у него опухли, и он уже не видел'.

2.9. Частица

Отличительная особенность частиц исследуемого говора – это их фонетическое оформление.

2.9.1. Общеупотребительная усилительная частица *ини* 'уже' в кузьмовырском говоре употребляется в формах *ин* и *ни*. Примеры-предложения: *тайэ но эийосылэс' кыли, кэмалас' ин* 'И это от друзей я слышал, давно уже'; *жытаз'э ва-н'зы л'укас'кил'л'ам ни гуртэ* 'Вечером все они уже собрались дома'. В средне-

чепецком диалекте эта частица функционирует в форме *н'и* [Карпова 2013, 59]; в говорах Шарканского и Якшур-Бодьинского р-нов, согласно полевым записям, она употребляется в форме *ин*: *тїно ін* 'они идут уже'; *al'i so ko-t'me vunetim in* 'Сейчас это мы все позабыли уже' [Kel'makov, Saarinen 1994, 226, 240].

2.9.2. Указательная частица *тин'и* 'вот' в рассматриваемом нами говоре может иметь усеченную форму *тин'*: *тин' оз'ы тарэ кот'ку кулэмйосты тодэ ваис'ко* 'вот так теперь всегда умерших поминаю'.

2.9.3. Широко распространена в кузьмовырском говоре усилительно-утвердительная частица *бен* 'да; же, так'. Примеры-предложения: *ма с'арыс', бэн, тыныд мад'оно?* 'О чем же тебе рассказать?' *бэн, оз'ы вожоосты ул'л'ало вал* 'Да, таким образом выгоняли святочных духов'. Кроме того, в значении утверждения часто употребляется частица *ы-ы* 'да': *чорыган-а мар-а ветлид? ы-ы* 'На рыбалку что ли ты ходил? Да'. Частица *бэн* 'да; же, так' функционирует во всех причепецких говорах; в срединных же в значении утверждения используется частица *о-о* 'да' [Карпова 2013, 59].

2.9.4. Как и во всех северноудмуртских говорах в целом, в описываемом говоре функционирует большое количество русских заимствованных частиц – *вэт'* 'ведь', *зна-чит* 'значит', *мо-жэт* 'может быть', *са-мой* 'именно'. Примеры-предложения: *пэрэс'йос взразы вэт' вал* 'Пожилые говорили ведь'; *со н'укын, зна-чит, турнас'ком вал* 'В том логу, значит, косили было мы'; *можэт, малпас'ко, кион кошкиз ни* 'Может быть, думаю, волк уже ушел'; *самой со с'икын ик н'улэс'ну'н'а улэ* 'Именно в этом лесу живет хозяин леса'.

3. Выводы

Рассмотрев фонетико-морфологические особенности кузьмовырского говора, мы приходим к выводу, что в целом он (говор) ближе к северным диалектам удмуртского языка, нежели к срединным говорам, поскольку большинство отмеченных явлений в той или иной мере находят отклик в северном ареале проживания удмуртов, а именно: 1) спорадическое выпадение *-э-* (*-йэ-*) в форме переходного падежа существительных единственного числа; 2) акцентирование первого слога основного глагола в отрицательных формах изъявительного и повелительного наклонений; 3) акцентирование первого слога в сложных местоимениях и наречиях с препозитивным элементом *кот'-*, *со-*, *та-*, *ма-*, *ог-*; 4) выпадения анлаутного *й* суффиксальной морфемы в положении перед гласными *э*, *а*, *о*; 5) усеченная форма датива личных местоимений 1-го и 2-го лица; 6) отсутствие лично-числовых показателей в отрицательных формах желательного наклонения при изменении по лицам и числам и др.

Для кузьмовырского говора характерны явления, сближающие его со срединными говорами: 1) выпадение *-ы* в конце глаголов 1 лица множественного числа изъявительного наклонения настоящего, будущего и очевидного прошедшего времен в утвердительной форме; 2) произношение сочетания *-тч-* как *-чч-* в наречиях и глаголах; 3) отсутствие палатализации *т* суффикса *-эти* в порядковых числительных; 4) употребление усилительной частицы *ин*.

В то же время отметим, что говор д. Кузьмовыр – это самостоятельный языковой островок, промежуточный между северными и срединными диалектами со своими специфическими особенностями: 1) отсутствием аффрикаты *жс* в инлауте; 2) деаффрикатизацией *ч* в инлауте перед *к* и заменой ее фрикативным *ш*;

3) функционированием 15 падежей; 4) отсутствием суффиксов со значением ‘место действия’ -*н’и* и -*ти*; 5) образованием деепричастий при помощи суффикса -*тоз’* // -*й’оэж*; 6) литературным произношением наречий *оччы* ‘туда’, *таччы* ‘сюда’; 7) оформлением цели действия послеложной конструкцией существительное + *дурэ* и др.

СОКРАЩЕНИЯ

вч. – верхнечепецкие говоры (верхнечепецкий диалект), деб. – дебесские говоры, кез. – кезские говоры, лит. – удмуртский литературный язык, ср. – срединные говоры, сч. – среднечепецкие говоры (среднечепецкий диалект), тыл. – тыловайский говор (тыловайский диалект), удм. – удмуртский язык, юж. – южные говоры (южный диалект).

ЛИТЕРАТУРА

Алашеева А. А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 91–105.

Атаманов М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.: ил.

Атаманов М. Г. Язык земли удмуртской : историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона = Удмурт музеймэн аснимёсыз : Волгаен Урал ёросвыльёсысь интынимёслэсь пуштросэс эскерись кыллюкам. Ижевск : Иж. респ. тип., 2015. 976 с.: ил.

Бушмакин С. К. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1969. № 1 (V). С. 59–69.

Бушмакин С. К. Выпадение и вставка звуков в диалектах удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1970 № 2 (VI). С. 101–111.

Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические средневосточных говоров удмуртского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. Тарту, 1971. 28 с.

Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические средневосточных говоров удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971а. 397 с.

Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / УдНИИ ИЭЛЯ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1958. 420 с.

Загуляева Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров. FU 6, 1979. С. 103–109.

Зверева Л. Е. Говоры Увинского и Вавожского районов // Образцы речи удмуртского языка. НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1982. С. 60–72.

Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 223 с.

Карпова Л. Л. Кезские говоры в системе севернудмуртских диалектов // Динамика структур финно-угорских языков: Сб. научн. статей на материалах Всерос. финно-угорск. языковедческой конференции, посвящ. юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию проф. Е. А. Игушева и 60-летию А. Н. Ракина (11–12 ноября 2009 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2011. С. 97–106.

Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.

Карпова Л. Л. О словесной акцентуации в северных диалектах удмуртского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 1. С. 103–105.

Карпова Л. Л. Фонетические различия в северных диалектах удмуртского языка // *Linguistica Uralica*. 2014а. № 3 (L). С. 189–198.

Карпова Л. Л. Дебесские говоры в системе удмуртских говоров Верхней Чепцы // Вестник Удмуртского университета. Сер. ист. и филол. 2015. Т. 25. № 5. С. 48–56.

Карпова Л. Л. Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка // *Linguistica Uralica*. 2016. № 3 (LII). С. 209–227.

Каталог населенных пунктов Удмуртской Республики. Численность постоянного населения на 1 января 2012 года. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://gruzdoff.ru/wiki/Кузьмовыр>.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов / УдНИИ ИЭЛЯ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1977. С. 26–61.

Кельмаков В. К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // Кельмаков В.К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 33–107.

Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 1993. 57 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Удм. Изд-во, 1998. 386 с.

Лыткин В. И., Тепляшина Т. И. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки / УдНИИ ИЭЛЯ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 218–227.

Максимов С. А. О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. научных трудов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. Ч. 2: Языкознание. Фольклор и краеведение. С. 193–208.

Списокъ населенныхъ мѣстъ по сведениямъ 1859–1873 годовъ: Вятская губернія. Санктпетербургъ, 1876. СХХIV + 993 с.

Список населенных пунктов Вотской автономной области. Ижевск, 1924. 418 с. + XII.

Тараканов И. В. К вопросу истории развития неслогового *у* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.; JL., 1964. С. 75–82.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / УдНИИ ИЭЛЯ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1957. Вып. 18. Филология. С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки / УдНИИ ИЭЛЯ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 114–140.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47). Turku–Iževsk, 1994. 368 s.

Поступила в редакцию 07.07.2017

Ившин Леонид Михайлович

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: ivleo.75@mail.ru

L. M. Ivshin

On the Phonetic and Morphological Features of the Dialect in Kuzmovyr Village, Igrinsky District, Udmurt Republic

The paper concerns the results of phonetic and morphological analysis of the dialect in Kuzmovyr village, Igrinsky District, Udmurt Republic. According to the most characteristic features, it is close, on the one hand, to Verhnechepetskii/ Severnoudmurtskii (northern Udmurt) dialects, as indicated by: 1) the occasional loss -ə- (-üə-) in the singular nouns in transitional case; 2) emphasizing the first syllable in complex pronouns and adverbs with prepositional element *ком'*, *со-*, *та-*, *ма-*, *оз-*; 3) the loss of the initial suffixal morpheme *ü* in the position before vowels *э*, *а*, *о*; 4) truncated form of the 1st and 2nd person personal pronouns in dative case; etc. On the other hand, some of the features of this dialect exist in Srednevostochnyi (middle eastern) dialect: 1) loss of *-ы* at the end of verbs 1 person plural indicative mood, present, future and past obvious tenses in the affirmative; 2) the absence of palatalization tons of *m* in suffix *-эму* in ordinal numbers; 3) the use of reinforcement particles *ун*. In addition, some specific phenomena which are not common to the neighboring dialects are marked in the language system of the dialect under study. They are: 1) lack of affricate *ж* in inlaute; 2) deaffrikatization of *й* in inlaute prior to its replacement and fricative *у*; 3) the absence of the suffix meaning 'scene' *-н'у* and *-му*; 4) the design goal of an action postposition construct noun + *дырэ*, etc. All these characteristic features are believed to have formed historically.

Keywords: accent, dialect, a phoneme, phonetics, accentuation, morphology, the name, northern dialect, median dialects, Udmurt.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 3, pp. 28–49. In Russian.

REFERENCES

Alasheeva A. A. *Verhnechepeskie govory I* [Dialects of the upper Chepca I] // *Obrázky reči udmurtskogo jazyka* [Samples of the speech of the Udmurt language]. Izhevsk, 1982. pp. 91–105. In Russian.

Atamanov M. G. *Proishozhdenie udmurtskogo naroda* [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtija, 2010. – 576 p. In Russian.

Atamanov M. G. *Yazyk zemli udmurtskoi : istoriko-etimologicheskii slovar' toponimov Volgo-Ural'skogo regiona = Udmurt muzjemljen asnimjosyz : Volgaen Ural jorosvyljosys' intynimjosljes' pushrossjes jeskeris' kylljukam* [The language of Udmurt land: the historical and etymological dictionary of the toponyms of the Volga-Ural region]. Izhevsk, 2015. 976 p. In Russian.

Bushmakın S. K. *Morfologicheskie osobennosti srednevostochnyh govorov udmurtskogo jazyka* [Morphological features of the middle eastern dialects of the Udmurt language] // SFU. 1969. № 1 (V). pp. 59–69. In Russian.

Bushmakın S. K. *Vypadenie i vstavka zvukov v dialektah udmurtskogo jazyka* [Fallout and insertion of sounds in dialects of the Udmurt language]. SFU. 1970 № 2 (VI). pp. 101–111. In Russian.

Bushmakın S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie srednevostochnyh govorov udmurtskogo jazyka* [Phonetic and morphological middle eastern dialects of the Udmurt language]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The author's abstract of the dissertation of a Kandidat of philological sciences] / Tartusskij un-t. Tartu, 1971. 28 p. In Russian.

Bushmakın S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie srednevostochnyh govorov udmurtskogo jazyka* [Phonetic and morphological middle eastern dialects of the Udmurt language].

Diss. ... kand. filol. nauk [The Dissertation of the candidate of philological sciences]. Izhevsk; Moscow, 1971a. 397 p. In Russian.

Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov [Documents on the history of Udmurtia in XV–XVII centuries] / Udmurtskij NII istorii, jekonomiki, literatury i jazyka pri Sov. Min. Udm. ASSR. Izhevsk, 1958. 420 p. In Russian.

Zaguljaeva B. Sh. *Morfologicheskie osobennosti prikil'mezskih govorov* [Morphological features of the Kilmez dialects]. FU 6, 1979. pp. 103–109. In Russian.

Zvereva L. E. *Govory uvinskogo i vavozhskogo rayonov* [Dialects of Uva and Vavozh districts] // *Obrazcy rechi udmurtskogo jazyka* [Samples of the speech of the Udmurt language]. NII pr Sov. Min. Udm. ASSR. Izhevsk, 1982. pp. 60–72. In Russian.

Karpova L. L. *Fonetika i morfologiya srednechepetskogo dialekta udmurtskogo jazyka* [Phonetics and morphology of the Middle Chepca dialects of the Udmurt language]. Tartu, 1997. 223 p. In Russian.

Karpova L. L. *Kezskie govory v sisteme severnoudmurtskih dialektov* [Kez dialects in the system of North Udmurt dialects] // *Dinamika struktur finno-ugorskih jazykov: Sb. nauchn. statej na materialah Vseros. finno-ugorsk. jazykovedcheskoj konferencii, posvjashh. jubilejam dvuh vidnyh komi finno-ugrovedov, 70-letiju prof. E. A. Igusheva i 60-letiju A. N. Rakina (11–12 nojabrja 2009 g., g. Syktyvkar)* [Dynamics of structures of Finno-Ugric languages: Sat. scientific. articles on materials Vseros. Finno-Ugric. linguistic conference, dedicated the anniversaries of two prominent Komi Finno-Ugric scholars, the 70th anniversary of prof. E. A. Igushev and the 60th birthday of A. N. Rakin (November 11–12, 2009, Syktyvkar)]. Syktyvkar, 2011. pp. 97–106. In Russian.

Karpova L. L. *Leksika severnogo narechiya udmurtskogo jazyka: Srednechepeckij dialekt* [Vocabulary of the northern dialect of the Udmurt language: Dialect of Middle Chepca]. Izhevsk, 2013. 600 p. In Russian and Udmurt.

Karpova L. L. *O slovesnoi akcentuacii v severnyh dialektah udmurtskogo jazyka* [On verbal accentuation in the northern dialects of the Udmurt language] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Questions of theory and practice]. 2014. № 4 (34). Vol. 1. pp. 103–105. In Russian.

Karpova L. L. *Foneticheskie razlichija v severnyh dialektah udmurtskogo jazyka* [Phonetic differences in the northern dialects of the Udmurt language] // LU. 2014a. № 3 (L). pp. 189–198. In Russian.

Karpova L. L. *Debesskie govory v sisteme udmurtskih govorov Verhnej Chepcy* [Dialects of Debyes in the system of Udmurt dialects of Upper Chepca] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija istorija i filologija* [Bulletin of Udmurt University: History and Philology Series]. 2015. Vol. 25. № 5. pp. 48–56. In Russian.

Karpova L. L. *Morfologicheskie razlichija v severnyh dialektah udmurtskogo jazyka* [Morphological differences in the northern dialects of the Udmurt language] // LU. 2016. № 3 (LII). pp. 209–227. In Russian.

Katalog naselyonnyh punktov Udmurtskoj Respubliki [Directory of settlements in the Udmurt Republic]. *Chislennost' postoyannogo naselenija na 1 janvarja 2012 goda* [The number of permanent residents by January 1, 2012]. URL: <http://gruzdoff.ru/wiki/Kuzmovyr/> In Russian.

Kel'makov V. K. *Kratkaya harakteristika kyrykmasskih govorov yuzhnoudmurtskogo narechiya I* [Brief description of Kyrykmas dialects of the southern Udmurt dialect I] // *Voprosy udmurtskoj dialektologii: Sb. stateji materialov* [Issues of Udmurt dialectology: Collection of papers and materials] / Udm. NII ist., jekon., lit. i jazyka pri Sov. Min. Udm. ASSR. Izhevsk, 1977. pp. 26–61. In Russian.

Kel'makov V. K. *K opisatel'noj i istoricheskoj fonetike besermjanskogo narechija* [To the descriptive and historical phonetics of the Besermyan dialect] // Kel'makov V.K. *Problemy*

sovremennoj udmurtskoj dialektologii v issledovanijah i materialah (= Udmurt veras'ketjos 1) [Problems of modern Udmurt dialectology in research and materials (= Udmurt dialects 1). Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1992. pp. 33–107. In Russian.

Kel'makov V. K. *Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskih dialektov: nauch. dokl., predstav. v kachestve dis. ... d-ra filol. nauk* [Formation and development of phonetics of Udmurt dialects: a scientific report, presented as a thesis of Doctor of Philology] / V.K. Kel'makov; RAN, In-t jazykoznanija. Moscow, 1993. 57 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologija. Dialektnye teksty. Bibliografija* [A brief course of Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography]. Izhevsk: Udm. Izd-vo, 1998. 386 p. In Russian.

Kel'makov V., Saarinen S. *Udmurtin murteet* (= *Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja* 47) [Udmurt dialects (= Publications of the Department of Finnish and General Linguistics of University of Turku)]. Turku–Iževsk, 1994. 368 p. In Finnish.

Lytkin V. I., Tepljashina T. I. *Nekotorye osobennosti glazovskogo dialekta* [Some features of Glazov dialect] // *Zapiski* [Notes] / Udm. NII ist., jekon., lit. i jazyka pri Sov. Min. Udm. ASSR. Izhevsk: Udm. kn. izd-vo, 1959. Vol. 19. pp. 218–227. In Russian.

Maksimov S. A. *O vtorichnyh prostranstvennyh padezhah v udmurtskom yazyike* [On secondary spatial cases in the Udmurt language] // *Problemy udmurtskoj i finno-ugorskoj filologii: Mezhvuz. sb. nauchnyh trudov* [Problems of Udmurt and Finno-Ugric philology: Interuniversity. Sat. scientific works]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1999. Vol. 2: Yazyikoznanie. Folklor i kraevedenie [Linguistics. Folklore and study of local lore]. pp. 193–208. In Russian.

Spisok naseleennyh mest po svedenijam 1859–1873 godov: Vjatskaja gubernija [List of settlements according to the data of 1859–1873: Vyatka province]. Sanktpeterburg, 1876. SXXIV + 993 p. In Russian.

Spisok naseleennyh punktov Votskoj avtonomnoj oblasti [List of settlements in the Votskaya Autonomous Oblast]. Izhevsk, 1924. 418 pp. + XII. In Russian.

Tarakanov I. V. *K voprosu istorii razvitiya neslogovogo ŷ v udmurtskom yazyke* [To the history of the development of the non-logical ŷ in the Udmurt language] // *Voprosy finno-ugorskogo jazykoznanija. Grammatika i leksikologija* [Issues of Finno-Ugric linguistics. Grammar and lexicology]. Moscow; Leningrad, 1964. pp. 75–82. In Russian.

Tepljashina T. I. *Nizhnechepeckie govory severnoudmurtskogo narechiya* [The dialects of the Lower Chepca of the northern Udmurt dialect] // *Zapiski* [[Notes]] / Udm. NII istorii, jekonomiki, lit. i jaz. pri Sov. Min. Udm. ASSR. Izhevsk, 1957. Vol. 18. Filologija [Philology]. pp. 156–196. In Russian.

Tepljashina T. I. *Foneticheskaya harakteristika tylovaiskogo govora* [Phonetic characteristic of the Tylovay dialect] // *Zapiski* [Notes] / Udm. NII istorii, jekonomiki, lit. i jaz. pri Sov. Min. Udm. ASSR. Izhevsk, 1970. Vol. 21. Filologija [Philology]. pp. 114–140. In Russian.

Received 07.07.2017

Ivshin Leonid Michaylovich

Candidate of Science (Philology), Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: ivleo.75@mail.ru